

Глава 49. Деревня Цзюаньлоу 14

Лу Хуэй с остальными шагнули в белую пелену.

По сравнению с прошлым разом туман значительно поредел, видимость на тропе стала куда лучше.

Они поднялись по пути ко входу на Запретную землю, перешли с этой горы на другую и наконец оказались перед домом с загнутыми карнизами.

Архитектура была очень древней, серо-голубая черепица, побеленные стены, но входная дверь была алой, что смотрелось странновато. Замка на ней не было, а дверная ручка с кольцом вместо обычного изображения мифического зверя была выполнена в форме бараньей головы.

Они распахнули дверь. Поскольку это было отдельное строение, а не комплекс, то, едва дверь открылась, перед ними предстали алтарь и подушечки для коленопреклонений, покрытые толстым слоем пыли.

Всё вокруг было серым и безжизненным, в воздухе витало чувство запустения, будто сюда давно не ступала нога человека.

Алтарь, где должна была стоять статуя божества, был пуст. Лу Хуэй какое-то время пристально смотрел на него, и вдруг его осенило:

— Теперь я понял, что не так!

Все разом уставились на него, и Лу Хуэй заговорил быстрее:

— Судя по всем имеющимся зацепкам, А-Гуань очень дорожила Богом-Бараном, более того всей душой стремилась оберегать и защищать его. Согласно нашим нынешним догадкам, мы всё ещё находимся в иллюзии. Предположим, что эту иллюзию создала А-Гуань, но тогда не должно было быть так, чтобы статуи божеств в каждом доме оказались стёрты, а сами алтари были похожи на гробы. Такая ситуация означает лишь одно.

Лу Хуэй провозгласил:

— Тот, кто создал эту иллюзию, ненавидит Бога-Барана!

Все опешили.

Мин Чжаолинь первым уловил ход его мысли:

— Именно поэтому та А-Гуань, что являлась нам ночью, так сильно отличалась от А-Гуань, которую мы видели в иллюзии, и той А-Гуань, что говорила с нами только что. Последние две больше похожи на одного человека, а первая... была сплошной «бесовщиной».

Он усмехнулся, словно найдя это забавным:

— Что и говорить, А-Гуань из иллюзии, как бы ни очерствела её душа, до такой жути вряд ли бы дошла.

Вэнь Юаньшуй тоже всё понял:

— ... Значит, А-Гуань — две?

Вопрос прозвучал, но в глубине души он уже почти знал ответ:

— Одна — это А-Гуань, искажённая ненавистью и принявшая её облик, а другая — подлинная А-Гуань.

Лу Хуэй тихо выдохнул:

— Я даже подозреваю... что А-Гуань тоже переродилась.

Он сказал:

— Если предположить, что роль Яо Хаохао и впрямь является реинкарнацией Бога-Барана, то и перерождение А-Гуань не будет проблемой.

Он уже открыл рот, чтобы что-то добавить, но передумал, лишь беззвучно шевельнув губами.

Однако Мин Чжаолинь, словно зная, о чём он хотел сказать, усмехнулся:

— Более того, та рабочая тетрадь в рюкзаке Яо Хаохао вполне может принадлежать А-Гуань.

Яо Хаохао опешила.

И оттого, что Мин Чжаолинь вдруг запомнил её имя, и от его слов.

Она взглянула на Лу Хуэя, убедилась, что у того были те же догадки, и невольно слегка нахмурилась, мысленно заново выстраивая цепь событий.

— А-Гуань была сосудом, с помощью которого Бог-Баран должен был стать человеком. А-Гуань должна была родить его, чтобы он обрёл физическую форму. Но поскольку Бог-Баран хотел стать человеком, в этот период он не мог использовать «божественную силу», и за его стремление обрести человеческий облик Небеса ниспослали наказание. Деревня Цзюаньлоу много лет находилась под его защитой, и бедствие должно было разделить всё сообщество, что привело к голоду.

Яо Хаохао тихо продолжила:

— Деревенские, поедая... людей, определённо не стали бы ждать, пока А-Гуань родит. И, судя по тому, что мы пережили в иллюзии, они, возможно, сначала вспороли ей живот, чтобы съесть Бога-Барана, а уж потом убили саму А-Гуань. Если моя роль и впрямь — Бог-Баран, и он, будучи съеденным, всё же смог переродиться, то и А-Гуань вполне могла перевоплотиться. И те деревенские, что пострадали тогда, тоже переродились.

Она посмотрела на Вэнь Юаньшуя:

— Просто в вашей группе... нет игроков-девушек.

Так что нельзя со стопроцентной уверенностью утверждать, могли ли съеденные женщины переродиться.

— Не стоит на этом заикливаться. — неожиданно сказал Лу Хуэй. — Конечно, могли. Полагаю, Система специально не добавила девушек в группу Вэнь Юаньшуя, потому что в этом инстансе есть игроки первого и второго места, плюс я, да и твой «скрытый рейтинг», наверное, тоже не маленький. Просто чтобы заставить нас ломать голову и увеличить сложность.

Мин Чжаолинь слегка приподнял бровь:

— А-Мань, уверенно стелишь.

Лу Хуэй мысленно ответил: «Ещё бы, ведь это мои собственные наработки», но вслух лишь сказал:

— Сейчас куда важнее то, как нам отсюда выбраться.

Вэнь Юаньшуй:

— Моя способность не позволяет разрушить иллюзию.

Лу Хуэй даже глазом не моргнул:

— Я знаю.

Вэнь Юаньшуй: «?»

Цзюнь Чаомань знал?

Изначально он хотел лишь прощупать Цзюнь Чаоманя, поскольку тот вызывал у него необъяснимое чувство узнавания.

Но теперь... Цзюнь Чаомань сейчас блефовал или же и вправду знал?

Вэнь Юаньшуй не удержался и скосил взгляд на Мин Чжаолиня.

Тот был безучастен и, похоже, не видел ничего странного в словах Цзюнь Чаоманя.

... Тогда дело принимало ещё более скверный оборот.

Вэнь Юаньшуй беззвучно глубоко вдохнул.

Кто же ты, Цзюнь Чаомань?

В конце концов, почему Мин Чжаолинь объявил на него охоту, но при этом их отношения столь двусмысленны?

Лу Хуэй сосредоточился на Мин Чжаолине:

— Поможешь?

Мин Чжаолинь медленно проговорил:

— А-Мань, я же говорил тебе, что уже использовал способность один раз, и я не врал.

Лу Хуэй несколько секунд пристально смотрел на него. Мин Чжаолинь с видом страдальца вздохнул, с наигранной тревогой произнес:

— А-Мань, я и впрямь считаю, что постоянное недоверие между нами — не лучшая тактика.

Лу Хуэй фыркнул:

— Сначала сам научись мне доверять.

Несмотря на слова, Лу Хуэй мысленно сконцентрировался и призвал карту, что была у него в руке.

Пока он держал карту, взгляды всех присутствующих устремились на него. Лу Хуэй на мгновение замер, в его голове пронеслись все имеющиеся зацепки и мысли, и наконец, он принял решение.

Тот раз на въезде в деревню не сработал, потому что место было не то.

А этот храм... был похож на сердцевину формирования.

Конечно, Лу Хуэй понимал, что шансы 50/50, так что придётся полагаться на удачу.

Но в инстансах приходится полагаться на удачу постоянно.

— Янь.

[Использована декоративная карта: Фокус с шляпой]

В тот миг, когда он мысленно произнёс его имя, перед ним возник объятый пламенем мужчина, удивительно похожий на Мин Чжаолиня.

Пламя на его теле тут же взметнулось в воздух, заставляя весь мир вновь исказиться —

Но Вэнь Юаньшуй, равно как и Яо Хаохао, и даже тот игрок, чьё присутствие, кроме момента вскрытия замка, то чувствовалось, то нет, отчётливо разглядели облик Яня.

Яо Хаохао готова была поклясться, будь у этого существа, призванного Цзюнь Чаоманем, длинные чёрные волосы и тёмные глаза, сходство с Мин Чжаолинем составило бы девяносто процентов. Оставшиеся десять процентов различий возникали лишь потому, что Мин Чжаолинь всегда выглядел ленивым и высокомерным, словно он — некто высшего сорта, а все прочие смертные в его глазах — лишь муравьи.

А у этого подобия Мин Чжаолиня в натуральную величину, призванного Лу Хуэем, была совершенно иная манера поведения. В нём не было души, он напоминал пустую оболочку;

даже при том, что его огненные глаза казались живыми и выразительными, при ближайшем рассмотрении можно было заметить нечто механическое, вызывающее эффект зловещей долины*.

Слишком уж пустым был его взор.

* 空谷 (kǒngbù gǔ) - Эффект зловещей долины — психологический феномен, при котором человек испытывает чувство тревоги, отвращения или дискомфорта при взгляде на объект, чрезвычайно похожий на живое существо (чаще всего на человека), но отличающийся от него в мелких, неестественных деталях.

Пространство вокруг них исказилось так, будто его сжали в кулаке. Даже Лу Хуэй невольно зажмурился, чтобы справиться с головокружением.

Когда их накрыло чувство невесомости, на Лу Хуэя внезапно снизошло озарение —

Когда они были у шаманки, она сказала:

«У А-Юна тоже был близкий друг, они выросли вместе, у них была глубокая связь».

А в иллюзии А-Гуань сказала:

«Его А-Пин, я и А-Юн тоже росли вместе».

Лу Хуэй мгновенно всё понял.

Его роль — реинкарнация А-Юна, а Мин Чжаолинь — реинкарнация А-ПИНА!

Это также подтверждало, что та А-Гуань, что являлась им ночью, не была настоящей!

Но почему?

Если это так, зачем шаманка связала его с Мин Чжаолинем? Неужели потому, что, убив его, он не умрёт, но умрёт Мин Чжаолинь, и она хочет использовать этот способ, чтобы убить Мин Чжаолиня?

Но что это за мать, раз способна на такое? Желаящая, чтобы кто-то нанёс удар её сыну?

И кроме того...

Прямо на них обрушился шквальный ветер. Лу Хуэй в первый же миг осознал опасность и понял, что уклониться не успеет. Не колеблясь ни секунды, он попытался прикрыть голову рукой, но кто-то оказался быстрее.

Он почувствовал, как его дёрнули за рукав, и в тот же миг, когда его отбросило назад, угроза миновала.

Лу Хуэй открыл глаза и увидел руку, зажатую в ладони Мин Чжаолиня — раздробленную, будто фарфор, разбитый вдребезги и потом склеенный. Сам же он полулежал в объятиях Мин Чжаолиня.

Лу Хуэй сделал шаг назад, обретя равновесие, и только тогда Мин Чжаолинь отпустил его. Однако женщину перед ними он не отпустил. Вместо этого он бросился на неё, и его длинные волосы взметнулись вслед за ним. Он выглядел куда ужаснее самой женщины: его улыбка была полна опасной, кровожадной жестокости, а в глазах читался вызов и убийственная свирепость.

— Посмотрим, куда ты на сей раз спрячешься.

Это была А-Гуань.

А-Гуань не стала уклоняться и с оскалом бросилась навстречу Мин Чжаолиню. Её прекрасные глаза наполнились злобой, совершенно не соответствующей её прежнему облику.

Сказать, что она была неправа — язык не поворачивался. Лу Хуэй предположил, что она, скорее всего, была порождением обиды и ненависти всех съеденных девушек. Что же плохого они совершили? Ничего.

Истинная вина... лежала на том, кто соединил их вместе.

На том, кто не дал им обрести покой даже после смерти!

Лу Хуэй пошевелил губами, не успев ничего сказать, как сзади раздался пронзительный вопль.

Он резко обернулся и увидел появившуюся позади другую фигуру — рослого, широкоплечего мужчину. Его лицо было безучастным, но одной рукой он схватил игрока со способностью [Универсальный ключ], а другой — Ци Бая.

Это был А-Юн!

Пока тот готовился свернуть шеи обоим, зрачки Лу Хуэя сузились.

Не успеть... Это его вина... Он снова...

— Фонарь Семи Душ!!!

Яо Хаохао выпалила слова так быстро, что они почти слились, и от чрезмерной спешки забыла произнести их мысленно, чтобы скрыть свою способность:

— Цюэинь —!

Тот самый фонарь-зоотроп вновь возник перед Яо Хаохао. Сине-белая поверхность фонаря быстро завертелась, иероглифы «□□» вспыхнули — и А-Юн застыл, даже разжав руки.

Способность Яо Хаохао [Фонарь Семи Душ] на данный момент развивала два умения: [Шигоу] и [Цюэинь].

[Шигоу] позволяла вывести союзников из состояния замешательства или помутнения сознания, а также давала ей пассивный эффект — снижение уязвимости к атакам. Как и в прошлый раз, когда Лу Хуэй оказался в замешательстве, Яо Хаохао отчётливо ощущала присутствие Вэнь Юаньшуя перед собой.

[Цюэинь] же насылала на врага страх: противник терял контроль над собой на пять секунд.

Эти пять секунд могли казаться мимолётными, но для спасения жизни их было достаточно.

В тот миг, когда Ци Бая и другого игрока отпустили, Лу Хуэй, не колеблясь, бросился вперёд.

Он просто подхватил обоих и резко толкнул к Яо Хаохао:

— Прячьтесь!

Им троим не место на этом поле боя.

Яо Хаохао не стала настаивать на помощи:

— Хорошо.

Вэнь Юаньшую тоже захотелось сбежать:

— Может, и я пойду? Не буду вам мешать...

— Попробуй.

Лу Хуэй достал из кармана нож-бабочку, провернул её на пальце, и холодная свирепость, и жестокость, мгновенно омрачившие его черты, заставили его слиться с тем «А-Манем» из иллюзии:

— При следующей встрече убью.

Вэнь Юаньшуй: «...»

Тихо рассмеявшись, он смотрел, как Лу Хуэй, уворачиваясь от пришедшего в себя А-Юна, без тени сомнения вступил с ним в бой, и мысленно согласился.

Тот, кого этот психопат Мин Чжаолинь выделяет подобным образом, вряд ли может оказаться невинной овечкой.

Вэнь Юаньшуй глубоко вдохнул, достал принесённый с собой короткий меч и присоединился к схватке.

Мин Чжаолиню, конечно, помощь не требовалась, так что лучше было помочь здесь.

Сила А-Юна была куда выше, чем у А-Гуань. Но почему-то почти все его атаки были направлены на Вэнь Юаньшуя, в то время как против Лу Хуэя он либо уклонялся, либо пытался просто схватить.

Лицо Лу Хуэя оставалось спокойным. И пока Вэнь Юаньшуй проклинал всё на свете, он вновь резко крутанулся и резанул ножом по шее А-Юну.

Но в тот миг, когда нож-бабочка в его руке должен был вонзиться в А-Юна, тот поднял руку. Одной рукой он схватил Лу Хуэя, а другую сжал в кулак и обрушил его на Вэнь Юаньшуя.

Боевые способности Вэнь Юаньшуя были примерно на одном уровне с Чжу Люй — на первый взгляд сойдёт, но в сравнении с Лу Хуэем они явно уступали.

Его зрачки сузились, скоординироваться с Лу Хуэем он не мог, поэтому не раздумывая, неуклюже отскочил.

Из-за этого, когда Лу Хуэй, изловчившись, оттолкнул ногой протянутую руку А-Юна, пытаясь увернуться, у того появилась возможность вновь схватить его.

Лу Хуэй цыкнул и позволил А-Юну схватить его за голень, резко дёрнув его к себе, а затем

воспользовался моментом, чтобы приблизиться к А-Юну. Нож-бабочка провертелся между его пальцев, словно ускоренная в несколько раз бабочка, порхающая на кончиках его пальцев, и острые крылья вот-вот должны были поранить глаза А-Юна —

А-Юн резко отшвырнул его прочь!

А тем временем, пока голень Лу Хуэя хватала, Мин Чжаолинь, стоявший на одной ноге и готовившийся нанести А-Гуань удар коленом, вдруг замер. Давящая тупая боль и мгновенная потеря сил заставили его тело неконтролируемо ослабеть, и А-Гуань уловив момент, протянула обе руки к его горлу!

Мин Чжаолинь усмехнулся, то ли от злости, то ли ещё почему, но увернуться ему было нетрудно.

Более того, он не просто увернулся — в тот же миг, резко развернувшись на месте и отклонившись в сторону, он широко раскинул руки.левой рукой он метко ударил А-Гуань в лицо, а правой вовремя подхватил Лу Хуэя, которого отбросило. Тот, хоть и успел перевернуться в воздухе, но не смог полностью остановить своё падение.

Лу Хуэй врезался в его руку. Мин Чжаолинь не почувствовал боли, да и Лу Хуэй тоже, ибо у Мин Чжаолиня к ней была невосприимчивость.

Но Лу Хуэй почувствовал, как его рука на мгновение обмякла, и невольно нахмурился.

Честно говоря, ощущение было не из приятных.

Эту чёртову связь лучше разорвать поскорее!

Лу Хуэй с Мин Чжаолинем встретились взглядами, и почти одновременно произнесли —

— Вэнь Юаньшуй! Вали сюда, займись А-Гуань!

— Эй, Вэнь Юаньшуй, вали сюда.

Вэнь Юаньшуй замолчал, глядя, как эти двое вновь одновременно бросились на А-Юна — один спереди, другой сзади — не оставив ему ни единого шанса.

Сила А-Юна превосходила А-Гуань, и тем не менее в одиночку справиться с А-Гуань Вэнь Юаньшуй было непросто.

Но раз уж он не мог слаженно действовать с Лу Хуэем, то пусть уж лучше он потянет какое-то

время, пока Лу Хуэй с Мин Чжаолинем не разберутся с А-Юном.

С Мин Чжаолинем бой с А-Юном резко сменил направление.

Не нужно было лишних слов — обнаружив, что А-Юн не собирается убивать Лу Хуэя, Мин Чжаолинь взял на себя роль приманки, чтобы задержать А-Юна, а Лу Хуэй искал момент для атаки.

После нескольких десятков обменов ударами Мин Чжаолинь улучил момент и, используя кинжал и одну руку, заблокировал обе руки А-Юна, а другой рукой схватил его за шею.

Удержать А-Юна ему удалось всего на секунду, но Лу Хуэю этого хватило с лихвой —

Он быстро сгруппировался и, держа нож-бабочку обеими руками, без колебаний вонзил его в голову А-Юна!

Мышцы, скрытые рукавами, напряглись, обрисовывая изящный рельеф, и даже вены, казалось, готовы были вырваться из-под кожи.

Этот яростный удар пронзил голову А-Юна, но крови не последовало. Вместо этого он рассыпался чёрным песком, хлынувшим на Лу Хуэя.

Лу Хуэй полетел вниз, и Мин Чжаолинь инстинктивно протянул руку, чтобы поймать его, но мучительная боль в голове, к которой он ещё не успел привыкнуть, заставила его, на редкость неуклюже, рухнуть на землю в тот же миг, как только он коснулся Лу Хуэя.

Увлечённый его падением, Лу Хуэй тоже рухнул на землю. В глазах потемнело, в ушах стоял гул — будто внутри разорвалась граната. И сквозь этот шум он вдруг расслышал истошный визг А-Гуань...

— Ааааа, братец А-Юн!

— Братец А-Юн—!!!

— Я убью вас!!!

— Я убью вас!!!!!!!!!!

— Как вы посмели —

— Как вы могли —

.....

Увидев, как глаза А-Гуань налились кровью и потекли кровавые слёзы, трещины на теле засветились зловещим красным светом, а её лицо начало бесконечно сменяться, принимая самые разные черты, Вэнь Юаньшуй выругался и активировал свою способность —

[Властитель · Клетка]

Невесть откуда взявшаяся клетка мгновенно окружила А-Гуань. Та попыталась разорвать хлипкую на вид, вычурную решётку перед собой, но в тот же миг, как только коснулась её, руки будто обожгло, и она вскрикнула.

Вэнь Юаньшуй не собирался просто тянуть время, ожидая, пока Мин Чжаолинь с остальными справятся. Не колеблясь, с мертвенно-бледным, почти бескровным лицом, он вновь активировал способность —

[Властитель · Меч Правителя]

Призвав невероятно роскошный меч, он рванул к А-Гуань и нанёс ей прямой удар!

Визг А-Гуань оборвался. В миг её исчезновения все его способности отключились — он рухнул на колени, из семи отверстий потекла кровь, и, словно полностью лишённый сил, он распластался на земле.

Его способность была слишком могущественной, а побочные эффекты активации — слишком тяжёлыми.

И это ещё он, позанимав первые места во множестве инстансов, развил свою способность, и стало полегче. Раньше было куда ужаснее и унижительнее — одно использование способности выматывало его до полусмерти.

Он разыскал «Весы Справедливости» и расспросил его, в чём же дело. «Весы Справедливости» сказал ему, что его способность не соответствует его телу.

То есть, ему не положено обладать столь сильной способностью, его тело просто не выдерживает её. В обычных условиях, даже самая мощная способность, будучи с ним совместимой, вызвала бы у него максимум лёгкую слабость, но не это...

Какая ирония.

Наконец-то обрёл желанную силу, лишь чтобы узнать, что она ему не принадлежит. Сколько ни старайся усилиться, результат не изменится...

Вэнь Юаньшуй вытер кровь, струившуюся из уголков глаз, и с трудом посмотрел, как там Цзюнь Чаомань с Мин Чжаолинем.

Мин Чжаолинь уже пришёл в себя, стоя на одном колене и опираясь на руку, но он поддерживал Цзюнь Чаоманя, который, прижавшись к его груди, хмурился, словно во сне.

А Лу Хуэю ведь и правда снился сон.

Во сне он страдал от кошмаров и пришёл на приём к психотерапевту. Там он встретил очень красивую девушку, улыбка которой казалась удивительно тёплой. Но стоило ему взглянуть на неё — как глаза наполнились слезами, и тоска накрыла с такой силой, что он едва не потерял сознание.

Когда он очнулся, она сидела у его койки и с тревогой спрашивала, что случилось.

Он спросил её:

— Ты... правда не помнишь?

И сам удивился тому, что сказал.

Он ждал, что она сочтёт его сумасшедшим, но она, задумавшись, спросила:

— Ты... тоже видишь галлюцинации и слышишь голоса? Ты тоже видишь странный сон, про... горы и деревню в горах?

Конечно, да.

Так что, пообщавшись, девушка с радостью поделилась с ним, что раньше читала о людях, помнящих свои прошлые жизни, и находила это невероятным, а теперь сама с этим столкнулась...

Позже они обменялись контактами и стали много общаться, вскоре обнаружив, что всё не так просто.

Девушка стала всё чаще видеть сны. После выпуска она не пошла работать по специальности, а устроилась в редакцию газеты. Она сказала, что хочет найти деревню Цзюаньлоу, которую не найти ни на картах, ни в интернете.

Он пообещал помочь. Позже к ним присоединилась ещё одна девушка, с похожими снами — Яо Хаохао.

С Яо Хаохао у него не было ничего особенного, а вот девушки быстро сблизились. Особенно та, которую он встретил первой — она чуть ли не обожествляла Яо Хаохао, и всячески её оберегала.

Затем девушка раскопала кое-какую информацию о Цзюаньлоу и тогда они поняли, что деревня таит в себе нечто зловещее.

Девушка умоляла его не говорить Яо Хаохао. Когда они наконец нашли деревню Цзюаньлоу, они составили план, собрали группу и назначили дату похода. Она любила свою работу и, расследуя собственную тайну, надеялась однажды поделиться этой сенсационной новостью.

Но его вдруг охватил беспричинный страх — ему казалось, что это опасная затея. Чем ближе был день, тем сильнее он тревожился, и он несколько раз уговаривал её отказаться.

Однако девушка возражала: мол, они живут в правовом обществе, их много, у всех есть средства связи и фотоаппараты — даже если деревня очень закрытая, максимум, что могут сделать, — это прогнать их, а не убьют.

И вот они отправились в путь.

По дороге девушка призналась, что ей часто снится, будто в деревне Цзюаньлоу есть кто-то, кто её зовёт — снова и снова... Больше она ничего разобрать не могла, но чувствовала, что обязана во всём разобраться.

А ещё... когда они добрались до подножия горы Цзюаньлоу, девушка, неизвестно почему, впала в транс: упала на колени и трижды ударилась лбом о землю. Затем, несвязно бормоча, она потянула его за руку и сказала, что не понимает, отчего ей так тревожно и радостно одновременно — будто она вернулась в родной дом, по которому тосковала.

Она спросила его, не может ли это место и впрямь оказаться её домом.

....

А потом?

... Что было потом?

Сознание Лу Хуэя помутилось, перед глазами пронеслись образы: смертельно раненая девушка, лежащая на земле; её окровавленная рука, судорожно вцепившаяся в угол алтаря; и ещё...

Кто он?

... Кто же он?

Хаос в мыслях мгновенно уподобился миллионам рук, дёргающих его нервы, но боль ощущал не он, а Мин Чжаолинь.

И именно из-за потери чувства боли Лу Хуэй бесконечно падал вниз, без единой верёвки, что могла бы вытянуть его наверх.

Кто он?

Он... А-Юн.

Лу Хуэй медленно открыл глаза.

Он должен помочь А-Гуань избавиться от этих людей, от тех, кто на неё влияет, кто причинил ей вред, включая даже Бога—Барана.

Лу Хуэй сжал нож-бабочку в руке и, не колеблясь, атаковал Мин Чжаолиня перед ним.

Мин Чжаолинь среагировал мгновенно: прежде чем лезвие успело вонзиться ему в глаз, он перехватил Лу Хуэя за запястье и другой рукой оттолкнул его прочь.

Но едва его рука легла на плечо Лу Хуэя, адская боль и ощущение, будто что-то разрывается внутри, словно чьи-то огромные руки изнутри раздирают его тело, заставили Мин Чжаолиня скривиться и вырвать кровью!

В ней были даже клочки внутренностей!!!

Вэнь Юаньшуй прищурился, на мгновение забыв о своей слабости, инстинктивно пытаясь подняться и спросить, что случилось.

Впервые в жизни Мин Чжаолинь ощутил столь мучительную боль. Его рука, сжимавшая запястье Лу Хуэя, слегка дрожала от напряжения, будто он вот-вот рухнет.

Но даже так он смог растянуть губы в кровавой ухмылке, обнажив белые зубы, на этот раз и впрямь окрашенные кровью, и посмотрел на Лу Хуэя — с потухшим взглядом, будто был под чьим-то контролем.

— ... Ну и ну.

Кого он имел в виду было неясно, но видеть Мин Чжаолиня в таком плачевном состоянии

было... настоящей редкостью.

Даже с его характером, даже когда на лбу проступили мелкие капли холодного пота, а вены на висках и руках вздулись, придавая ему несколько свирепый вид, он всё равно не мог удержаться от колкостей.

Просто на сей раз рана, полученная из-за их связи, и впрямь оказалась ему не по силам — в конце концов, он был человеком, а не богом.

Мин Чжаолинь пошевелил губами, снова выкашляв сгустки крови, заляпавшие одежду обоих, и, словно обессилев, разжал ладонь, державшую руку Лу Хуэя. Рука скользнула вниз по его руке, и нож всё же вонзился ему в плечо.

От этого удара Мин Чжаолинь боли не почувствовал.

Зато на левом плече Лу Хуэя расплылось алое пятно.

Мин Чжаолинь рухнул ему на грудь, уткнувшись лицом в изгиб шеи, а его чёрные волосы спутавшись и слипшись от крови, закрывали половину лица. Его обычно яркая внешность впервые казалась такой бледной и хрупкой. Один взгляд вызывал острое желание прижать его к себе и утешить.

Но вместо того чтобы жалеть эту «нежную фарфоровую куклу», Вэнь Юаньшуй вытаращил глаза, с недоверием глядя на стоящую на коленях парочку, словно собравшуюся умереть в обнимку.

... Неужели Мин Чжаолинь падёт в этом инстансе?

Мин Чжаолинь... это же Мин Чжаолинь!!!

Хотя он и не любил Мин Чжаолиня, нельзя было отрицать, что все, кто проходил с ним инстансы, единодушно считали его подобным богу, будто ему было предназначено покорять инстансы самой судьбой... Его сила не поддавалась описанию.

И такой человек, вот так... нелепо пал в инстансе?

Шок — это мягко сказано. Вэнь Юаньшуй даже оторопел, его мозг на мгновение будто отключился, и всё же в этой нелепой ситуации он понимал, что ничего удивительного здесь нет.

Инстансы... Не было гарантии, что даже самый сильный навык позволит безопасно их пройти.

Порой срабатывали условия, ведущие к неминуемой гибели.

Разве не из-за этого осознания они все инстинктивно чурались инстансов?

Но...

Это же Мин Чжаолинь.

С пустой головой Вэнь Юаньшуй смотрел, как Мин Чжаолинь медленно закрывает глаза, и уже собрался из последних сил подползти, чтобы проверить состояние Лу Хуэя, как двери храма распахнулись.

Он подумал, что это Яо Хаохао с остальными, не услышав шума, пришли проверить, но появившаяся в дверях фигура не была ни одним из игроков, это была —

Шаманка!

Вэнь Юаньшуй в изумлении вытаращил глаза, но тут все зацепки пронеслись в его голове, и всё вдруг обрело смысл.

Шаманка, заложив руки за спину, не удостоив его даже взглядом, подошла к Лу Хуэю с Мин Чжаолинем. Она взяла лицо Лу Хуэя в руки, глядя в его остекленевшие, безжизненные глаза, с лёгким недоумением:

— Ты должен был уже стать цельным, так почему же...

Не успев закончить, она получила ответ — Лу Хуэй резко выдернул нож-бабочку из плеча Мин Чжаолиня. Крови не последовало, зато брызги её попали на лицо шаманки.

Ибо Лу Хуэй одним ударом пронзил её горло!!!

Шаманка отпустила лицо Лу Хуэя, отшатнулась назад и, рухнув на землю, схватилась за горло, удивленно уставившись на него.

Лу Хуэй выдохнул. Его лицо было таким же измученным, как и у Мин Чжаолиня, но он все же дерзко усмехнулся:

— Матушка, ты и впрямь осторожна, но всё же ошиблась. Явись ты чуть позже, и неизвестно, хватило бы у меня сил прикончить тебя.

Его рука, поддерживавшая Мин Чжаолиня, слегка дрожала, а его фениксовые глаза,

забрызганные кровью, и впрямь напоминали клинок, только что кого-то зарезавший:

— Удивлена, почему я заподозрил тебя? Конечно же, я заподозрил тебя.

Он фыркнул:

— Ты же шаманка. После смерти А-Гуань ты исчезла. Куда ты пропала? Отправилась «воскрешать» А-Гуань? Но А-Гуань и не была человеком! Она была воплощением храма!

Он узнал это из уст самой А-Гуань, когда та спрашивала, не вспомнил ли он ещё. Он увидел, как её губы шевельнулись, выговаривая: «Я, храм».

Вслух она их не произнесла, но, к счастью, Лу Хуэй отлично читал по губам.

Сначала он подумал, что она имела в виду, что находится в храме, но потом вспомнил, как в иллюзии постоянно подчёркивалось, что у А-Гуань не было родителей, что шаманка подобрала её в горах, и что на Запретную землю могла ходить только шаманка... и подумал, а не значит ли это «Я — храм».

Лу Хуэй, поддерживая Мин Чжаолиня, приподнялся и, опустив взгляд, с презрением смотрел на шаманку, прижимавшую свою рану:

— Не знаю, известно ли тебе это, но я полагаю, что нет, поэтому-то тебе и не удалось сохранить душу А-Гуань. Ты собрала осколки душ всех женщин, зверски убитых во времена той беды, и слепила из них свою, как ты считала, А-Гуань. Но на самом деле... А-Гуань с А-Юном вовсе не состояли в отношениях, верно? Так называемая свадьба была лишь для того, чтобы божество в чреве А-Гуань обрело законный статус!

Ещё в иллюзии, видя, как А-Гуань больше заботится о ребёнке, а не об А-Юне, он начал сомневаться. Ему казалось, что А-Гуань относилась к А-Юну скорее, как к брату, а не как к возлюбленному.

— Ты вообразила, что А-Гуань любит А-Юна.

— Ты вообразила, будто она будет злиться и негодовать. А на самом деле после тех событий она оставалась спокойной. Она даже не винила тех людей... Потому что она, как и Бог-Баран, которого «защищала», любила своих людей — смертных. Даже если те ранили её и ненавидели. В её глазах она — богиня, они — богини. А боги не держат зла на людей. Они воспринимают всё это как испытание, которое должны пройти. Но ты... ха! Ты всего лишь человек. Тебе этого не понять. И поэтому ты сломалась. Ты разозлилась.

Так называемое разделение на стороны было не между потомками или реинкарнациями съевших и съеденных, а между теми, кого шаманка ненавидела, и теми, кого — нет.

Она ненавидела своего сына-предателя, ненавидела Бога-Барана, принёсшего все эти бедствия. Так что понятное дело, что он с Яо Хаохао оказались на этой стороне. Что же до убийств... Ей нужна была деревня, подконтрольная лишь ей, так что, естественно, души всех должны были быть ею стёрты.

От услышанного лицо шаманки перекошило. Она пылала гневом, но, открыв рот, извергла лишь кровь.

Лу Хуэй знал, что она хочет сказать:

— Да, те, кто ел человечину, были виновны, но ты! Что плохого совершила А-Гуань? Что плохого совершил переродившийся позже А-Юн?! Они просто не соответствовали твоим ожиданиям, и ты решила их убить? А те, кто и так претерпел муки плоти, были тобой переплавлены в «А-Гуань» угодную тебе, твоё оружие, орудие твоей мести!

Слова упрёка срывались с его губ, но за ними скрывалась тревога.

История была восстановлена, так почему же система ещё не объявила о завершении инстанса?

Он всегда полагался на свое безупречное чувство времени, но сейчас внутри него разгоралась паника.

Прошло уже пять минут? Сколько времени прошло?

Эффект от способности Мин Чжаолия держался всего пять минут!!!

Это его ошибка... его вина!

Он не учёл, что будет, если он, будучи А-Юном, убьёт другого А-Юна, он забыл учесть этот момент... Это он...

Лу Хуэй сжал руку Мин Чжаолия, скрывая свою дрожь.

У некоторых людей голова в стрессовой ситуации работает быстрее. В сознании Лу Хуэя промелькнули полученные воспоминания, увиденные образы... А-Гуань, распростёртая в храме.

И его вдруг осенило:

— Точно, А-Гуань.

Лу Хуэй усмехнулся:

— Ты убила А-Гуань здесь и закопала тут же, верно?

Ресницы шаманки дёрнулись. Лу Хуэй хотел было указать на явно свежее место, но у него и впрямь не осталось сил. Он осознавал, насколько сильно его трясло. В этом инстансе... он слишком часто ошибался, и много раз другие вытаскивали его.

Он и впрямь... ни на что не годен!

— Видимо... ты тоже не знала, что А-Гуань — воплощение храма.

Лу Хуэй рассмеялся:

— А-Гуань всё это время наблюдала за тобой.

Едва он произнёс эти слова, раздался лёгкий вздох:

— Матушка.

Призрачный образ А-Гуань медленно проявился на алтаре. Её облик был точь-в-точь как в иллюзии, и в тот же миг слёзы покатались по лицу шаманки.

А-Гуань медленно подплыла к ней и обняла её голову:

— Я и впрямь считала тебя матерью.

Пальцы шаманки дёрнулись, и наконец она, склонив голову набок, с закрытыми глазами рухнула на её грудь.

А-Гуань подняла голову и тихо запела ту самую песенку, что слышал Лу Хуэй, но на сей раз с новыми словами —

Мамочка, не плачь

Папочка, не спеши

На малом огне томится «Незавидный баран»

Братец, не бойся

Сестрица, не тревожься

Бараний костяк растирается в кашу

Сытно поел — и слух стал острее

Набравшись сил, снова барана нарежь

Один, два, три, четыре...

Барашек стонет, барашек плачет

Без ног никуда не убежит барашек

Ни Небо, ни Земля не приходят на помощь

Вновь пусто брюхо, вновь жуёшь пустоту

Снова разводим огонь, и варим кости до трухи

Досыта поел — и слух притупился

Только ветер, и горы рыдают.

Небо и Земля безмолвны.

Совість изъята, её нет нигде.

Люди исчезают, один за другим.

Пусто-пусто. Везде пустота.

Ни овец, ни людей — все пропали.

...

[Динь —]

Услышав системное оповещение, эхом прокатившееся по всему инстансу, Лу Хуэй наконец расслабился.

Мин Чжаолинь, прислонившийся к его плечу, тоже поднял голову. Хотя он был очень слаб, он всё же из последних сил пытался держаться, и результат был таков, что он не удержал равновесия, и его лоб стукнулся о лоб Лу Хуэя.

В тот же миг, когда его перенесло в зал подсчёта результатов, на Лу Хуэя обрушились запах крови и обжигающая жаром температура Мин Чжаолиня.

[В инстансе «Деревня Цзюаньлоу» участвовало 15 игроков. В живых осталось 7 игроков.]

[Все выжившие игроки в данном инстансе получают 20 игровых монет]

[Нет игроков, убивших другого игрока и выживших, поэтому наследование игровых монет не происходит]

[Наибольший вклад в инстанс внесли игроки Цзюнь Чаомань, Мин Чжаолинь, Яо Хаохао и Ци Бай (сообщаются только имена выживших игроков). В качестве поощрения выдаётся награда за победу, которая будет распределена в ходе личного оповещения.]

[Далее следует личное оповещение—]

Дойдя до этого момента, Лу Хуэй всё ещё не мог прийти в себя.

Он моргнул, в голове всё ещё стоял тот последний момент, когда Мин Чжаолинь коснулся его лба и усмехнулся.

Неизвестно, хотел ли тот досадить ему или ещё чего, но...

Мин Чжаолинь, улыбаясь, пошевелил губами и сказал ему:

— А-Мань, неплохо справился.

Лу Хуэй долго молчал, затем глубоко вздохнул и потёр кончики ушей.

Он... как-то привык к такой искренней похвале.

Да ещё и от Мин Чжаолиня.

Авторское послесловие:

Хи-хи-хи-хи-хи-хи, Лу, а ты уши-то зачем трогаешь?

<http://bllate.org/book/12898/1318142>